

О Ф Ф И Ц И Я Ъ Н Ы Й О Т Д Ъ Я Ъ

МОСКОВСКИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЪДОМОСТЕЙ.

3 Марта.

№ 9-й.

1902 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Синодальному Члену, Преосвященному Владиміру, Митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандриту.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 31 минувшаго января за № 98, въ коемъ, объясняя, что, по кончинѣ настоятельницы Троице-Одигитріевскаго общежительнаго женскаго монастыря игуменіи Магдалины, сестры сей обители единогласно заявили, что онѣ не могутъ изъ своей среды избрать и изъ другихъ обителей указать кандидатки на должность настоятельницы своей обители, ходатайствуете о назначеніи на означенную должность благочинной Московскаго Ивановскаго общежительнаго монастыря монахини Софіи, съ возведеніемъ ея въ санъ игуменіи. **П р и к а з а л и:** Разсмотрѣвъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, на должность настоятельницы Троице-Одигитріевскаго монастыря благочинную Московскаго Ивановскаго монастыря монахиню Софію, съ возведеніемъ ея въ санъ игуменіи; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ. Февраля 21 дня 1902 года. № 1509.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Синодальному Члену, Преосвященному Владиміру, Митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандриту.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 4 февраля сего года № 107, объ открытіи вакансіи второго священника и второго псаломщика при Елизаветской, на Дорогомиловскомъ кладбищѣ, церкви города Москвы. **П р и к а з а л и:** Согласно настоящему представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: при Елизаветской, на Дорогомиловскомъ кладбищѣ, церкви города Москвы открыть вакансіи второго священника и второго псаломщика; о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ. Февраля 19 дня 1902 года. № 1510.

священство указомъ. Февраля 19 дня 1902 года. № 1446.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Бывшій законоучитель Θεодосійскаго учительскаго института священникъ Θεодоръ Мальцевъ опредѣленъ на должность настоятеля домової церкви Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта Московскаго дворянства.

На вакансію священника при Успенской, села Андреевскаго, церкви, Коломенскаго у., опредѣленъ бывший ранній священникъ Московской Скорбященской, на Большой Ордынкѣ, церкви Александръ Кротковъ.

Діаконъ Михаило-Архангельской соборной, г. Бронницъ, ц. Петръ Щегловъ уволенъ, согласно прошенію, за штатъ.

На вакансію псаломщика Московскаго Георгіевской, на Красной Горкѣ, церкви опредѣленъ учитель Болтинской церковно-приходской школы, Московскаго у., Иванъ Цвѣтковъ.

На такую же вакансію при Московскаго Покровско-Грузинской, на Воронцовомъ полѣ, церкви опредѣленъ учитель Усерской церковно-приходской школы, Бронницкаго у., Сергій Шумовъ.

Звенигородскаго у., Покровской, села Окулова, церкви діаконъ Сергій Синьковскій перемѣшенъ на псаломщическую вакансію при Николаевской церкви Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта Московскаго дворянства.

Священникъ Знаменской церкви с. Ельни, Можайскаго у., Флегонтъ Патокинъ назначенъ на должность благочиннаго.

Священникъ Богородицерождественской, с. Панюкова, ц. Іоаннъ Мухинъ уволенъ, согласно прошенію, за штатъ.

Отъ Московской Духовной Консисторіи.

Опредѣленіемъ Консисторіи, утвержденнымъ 22 февраля сего 1902 г. Его Высокопреосвященствомъ, разрѣшено Военскому Благотворительному Обществу „Благо Креста“ произвести въ 1902 г. одновременно, именно 24 марта, въ недѣлю 4 Великаго поста, тарелочный сборъ въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ города Москвы въ пользу сего общества, о чемъ симъ и объявляемъ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и причтамъ и старостамъ приходскихъ церквей города Москвы.

Отъ Московскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Въ настоящее время состоятъ вакантными учительскія мѣста въ Орловской, Оболдинской, Волтинской школахъ, Московскаго у., въ Горшковской школѣ, Гуслицкаго округа, и Усмерской, Бронницкаго у.

Желающіе занять означенныя мѣста благоволятъ подавать прошенія съ приложеніемъ надлежащихъ документовъ на имя о. Ректора Московской Духовной Семинаріи, Предсѣдателя Школьной Комиссіи.

Утвержденіе въ должности церковныхъ старостъ.

Согласно избранію утверждены въ должности старостъ церквей:

1) Михаило-Архангельской, села Архангельскаго-Никольскаго, Московскаго у., — потомственный почетный гражданинъ Алексѣй Сергѣевичъ Мазуринъ, на 3-е трехлѣтіе.

2) Знаменской, села Старой Каширы, Коломенскаго у., — крестьянинъ Петръ Косьминъ Копченковъ, на 1-е трехлѣтіе.

3) Спасской, города Дмитрова, — Дмитровскій купецъ Василій Петровичъ Новоселовъ, на 1-е трехлѣтіе.

4) Крестовоздвиженской, погоста Люторицы, Серпуховскаго у. — крестьянинъ Александръ Герасимовъ Толоконниковъ, на 3-е трехлѣтіе.

5) Михаило-Архангельской, села Бѣлоусова, Верейскаго у., — потомственный дворянинъ Александръ Михайловичъ Калмыковъ, на 1-е трехлѣтіе.

6) Смоленской, села Александра, Можайскаго у., — крестьянинъ Николай Петровъ Кормилицынъ, на 4-е трехлѣтіе.

7) Покровской, села Ильина, Дмитровскаго у., — отставной фельдфебель Сергѣй Ивановичъ Зюзинъ, на 2-е трехлѣтіе.

8) Николаевской, села Рогачева, Дмигровскаго у., — 2-й гильдіи купецъ Семень Михайловичъ Гордѣевъ, на 2-е трехлѣтіе.

9) Александро-Свирской, села Александровскаго, Волоколамскаго у., — крестьянинъ Алексѣй Григорьевичъ Кувшиновъ, на 4-е трехлѣтіе.

10) Богородицерождественской, села Суворова, Волоколамскаго у., — крестьянинъ Захаръ Яковлевъ Кашкинъ, на 4-е трехлѣтіе.

11) Богородицерождественской, села Бухолова, Волоколамскаго у., — крестьянинъ Михаилъ Власовъ, на 1-е трехлѣтіе.

12) Троицкой, города Волоколамска, — временно-волоколамскій купецъ Иванъ Макѣевъ, на 4-е трехлѣтіе.

13) Преображенской, села Семеновскаго, Дмитровскаго у., — крестьянинъ Сергѣй Мануиловъ Пажиновъ, на 4-е трехлѣтіе.

14) Успенской, села Боборыкина, Подольскаго у., — крестьянинъ Петръ Ивановъ Хахаевъ, на 6-е трехлѣтіе.

15) Покровской, села Перхушкова, Звенигородскаго у., — крестьянинъ Матвѣй Васильевъ Гудилинъ, на 1-е трехлѣтіе.

16) Казанской, села Богородскаго-Кишкина, Серпуховскаго у., — крестьянинъ Алексѣй Петровъ Царевъ, на 4-е трехлѣтіе.

17) Богородицерождественской, села Мячкова, Бронницкаго у., — крестьянинъ Иванъ Алексѣевичъ Соленовъ, на 2-е трехлѣтіе.

18) Николаевской, села Холмеца, Волоколамскаго у., — временно-московскій купецъ Василій Федоровичъ Буланкинъ, на 2-е трехлѣтіе.

19) Богоявленской, села Богоявленскаго, Подольскаго у., — крестьянинъ Никита Ивановъ Бокановъ, на 1-е трехлѣтіе.

20) Покровской, погоста Юрьево, Коломенскаго у., — крестьянинъ Николай Максимовъ Леонтьевъ, на 1-е трехлѣтіе.

Умерли:

1) Псаломщикъ Николаевской, на Болвановкѣ, церкви Александръ Соколовъ — 25 мая. 2) Священникъ (запрещенный въ священнослуженіи), состоявшій въ должности псаломщика при Богоявленской, села Америва, ц., Бронницкаго у., Павелъ Страховъ — 1 іюня. 3) Священникъ заштатный Покровской, села Покровскаго, на Городнѣ, церкви, Московскаго у., Павелъ Соколовъ — 29 мая. 4) Священникъ заштатный Тихвинской, села Рѣдина, церкви, Клинскаго у., Петръ Сперанскій — 3 іюня. 5) Просфорница заштатная Богородицерождественской, села Зуева, перкви, Богородскаго у., Елена Орловская — 6 іюня. 6) Священникъ заштатный Спасской, села Новаго, на рѣкѣ Сестрѣ, церкви, Клинскаго у., Алексѣй Георгіевскій — 14 іюня. 7) Псаломщикъ Михаило-Архангельской, въ Куньѣ, церкви, Богородскаго у., Андрей Ворисоглѣбскій — 30 іюня. 8) Псаломщикъ Михаило-Архангельской, что на погостѣ Доркахъ, церкви, Бронницкаго у., Михаилъ Уклонскій — 21 іюня. 9) Псаломщикъ Богоявленской, города Серпухова, церкви Сергѣй Лебедевъ — 1 іюля.

№ 9-й.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 коп. Продаются во всѣхъ кіоскахъ города Москвы.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІА.

3-го Марта.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Якиманка, приходъ церкви св. Петра и Павла, квартира Протоіерея Іоанна Теодоровича Мансветова.

ОБЪЯВЛЕНІА ПРИНИМАЮТСЯ: за строку, или мѣсто строки за 1 разъ 15 к., за 2 раза 25 к., за 3 раза 30 к., на годъ по особому условію.

ПУБЛИЧНЫЯ БОГОСЛОВСКІЯ ЧТЕНІА

будутъ происходить въ залѣ Синодальнаго училища церковнаго пѣнія, на Никитской, 6, 11, 13, 18 и 20 марта, 1 и 3 апрѣля сего 1902 года.

ВСѢХЪ ЧТЕНІЙ ИМѢЕТЬ БЫТЬ СЕМЬ.

Начало чтеній въ 9 ч. вечера.

1-е чтеніе, — среда, 6-го марта. Заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, доктора богословія А. Д. Бѣляева: „Ученіе Евангелій о воплощеніи Сына Божія въ Лицѣ Иисуса Христа, съ опроверженіемъ перетолкованій этого ученія въ сочиненіяхъ графа Л. Н. Толстого“.

2-е чтеніе, — понедѣльникъ, 11-го марта. Кандидата богословія, священника І. А. Орфанитскаго. „Христіанское ученіе о Богѣ Личномъ и Трїединомъ, сравнительно съ воззрѣніями на Божество, какъ на существо безличное и отвлеченное (противъ гр. Л. Н. Толстого и нѣкоторыхъ современныхъ русскихъ философствующихъ мыслителей“.

3-е чтеніе, — среда, 13 марта. Кандидата богословія, священника Н. Н. Строганова: „Разборъ ученія графа Л. Н. Толстого о любви къ людямъ съ православно-христіанской точки зрѣнія!“

4-е чтеніе, — понедѣльникъ, 18 марта. Законоучителя Московской 4-й мужской гимназіи, кандидата бого-

словія, священника І. І. Добросердова: „Христіанство и патріотизмъ. Справедливо ли утвержденіе Л. Н. Толстого, что они несомвѣстимы?“.

5-е чтеніе, — среда, 20-го марта. Кандидата богословія, преподавателя Московской Духовной Семинаріи М. І. Струженцова: „Православно-христіанское ученіе о бражѣ по поводу „Крейцеровой Сонаты“ и „послѣсловія“ къ ней графа Л. Н. Толстого“.

6-е чтеніе, — понедѣльникъ, 1-го апрѣля. Кандидата богословія С. Д. Левитскаго. „Чѣмъ объяснить широкое распространеніе ученія графа Л. Н. Толстого?“.

7-е чтеніе, — среда, 3-го апрѣля. Кандидата богословія, священника Д. Г. Фаворскаго: „Нравственное ученіе Ницше и отношеніе этого ученія къ христіанству“.

Отъ Правленія Московской Духовной Семинаріи.

Правленіе Московской духовной семинаріи имѣетъ честь просить оо. благочинныхъ Московской епархіи, не представившихъ до сего времени причитающихся суммъ дополнительнаго процентнаго сбора съ церковныхъ доходовъ за 2-ю половину истекшаго 1901 года, выслать таковыя суммы въ Правленіе семинаріи безъ замедленія, *въ срокъ до 15-го марта сего 1902 года.*

Гоголь какъ вѣрный сынъ Церкви *).

Послѣ завтра исполняется ровно пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, въ который скончался нашъ великій писатель Н. В. Гоголь. Читающей публикѣ Гоголь извѣстенъ почти исключительно со стороны своей литературной дѣятельности, какъ авторъ «Мертвыхъ душъ», «Ревизора», «Вечеровъ на хуторѣ» и другихъ своихъ дѣйствительно блестящихъ произведений. Въ этихъ произведеніяхъ своихъ Гоголь является собственно бытописателемъ русской жизни, съ глубокимъ юморомъ изображающимъ главнымъ образомъ ея отрицательныя стороны; но изображаетъ эту жизнь онъ, можно сказать, вполне объективно, такъ что собственная его личность, его собственные взгляды и убѣждения, здѣсь остаются въ тѣни. Между тѣмъ въ собраніи его сочиненій существуетъ особый циклъ произведений, гдѣ выступаетъ предъ нами духовно-разумная личность самого писателя со всеми присущими ей особенностями.

Этотъ циклъ—такъ называемая «переписка съ друзьями», «авторская исповѣдь», «размышленія на литургію» и нѣсколько другихъ произведений въ томъ же родѣ. Здѣсь мы видимъ, къ удивленію, что человекъ, по его собственному выраженію, только «смѣшившій людей», былъ въ то же время человекомъ глубокаго религіознаго чувства, искренней и теплой вѣры, высокихъ и святыхъ религіозныхъ созерцаній, которыя шли въ немъ рука объ руку съ пламенной любовью къ человечеству вообще и къ русскому народу въ частности. Не смѣшить хочетъ онъ здѣсь людей, а заставить ихъ задуматься о своемъ религіозно-нравственномъ состояніи, о будущей жизни, объ отвѣтѣ на страшномъ судѣ Христовомъ. Онъ прямо и рѣшительно указываетъ здѣсь пути, по какимъ должна шествовать Россія, чтобы стать страной истинно-христіанскою. Какъ ревностный миссіонеръ-проповѣдникъ, онъ распространяетъ свои мысли посредствомъ писемъ къ разнымъ представителямъ свѣтскаго образованнаго общества и къ своимъ роднымъ.

Это появленіе «переписки съ друзьями» и подобныхъ ей произведений вызвало противъ Гоголя цѣлую бурю въ тогдашнихъ образованныхъ кружкахъ нашего общества, стоявшаго подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейской культуры. Вождь тогдашняго либерализма Бѣлинскій, который считалъ первыми врагами Россіи—православіе, самодержавіе и народность (Барсуковъ. Жизнь Погодина, т. 8, стр. 604), объявилъ Гоголя, защищавшаго эти высокія начала, измѣнникомъ прогрессу, слугителемъ мрака и невѣжества. Вслѣдъ за нимъ на Гоголя напали даже тѣ, въ комъ онъ ожидалъ встрѣтить защитниковъ себя¹⁾; но Гоголь не измѣнилъ развѣ избранному имъ направленію и скончался въ православной вѣрѣ и благочестіи.

Нынѣ, по случаю исполняющагося 50-ти лѣтія со дня смерти Гоголя, наша либеральная печать снова обру-

шиваетъ свои громы на автора «переписки съ друзьями» и «авторской исповѣди», въ которыхъ Гоголь выразилъ свои завѣтныя религіозныя убѣжденія и свою любовь къ Россіи и ко всему русскому. Гоголь—это психически больной человекъ, по представленію одного изъ сотрудниковъ Русской Мысли, доктора Баженова (Русск. Мысль, январь 1902 г.): онъ страдалъ періодической меланхоліей и его религіозность—одинъ изъ симптомовъ его психическаго расстройства. Гоголь, какъ авторъ «переписки съ друзьями»—есть не иное что, какъ обскурантъ, сѣятель плевелъ на чивѣ русскаго національнаго развитія,—вотъ какую мысль проводитъ въ «Мирѣ Божіемъ» г. Богучарскій въ своей статьѣ «Гоголь какъ учитель жизни» (Миръ Божій, февраль 1902 г.); чѣмъ скорѣе нашъ народъ забудетъ эту «переписку», тѣмъ лучше... Одна Московская газета (Новости дня, № 6712) обличаетъ Гоголя въ ханжествѣ: его «переписка съ друзьями», его «исповѣдь»—это матеріалъ для самой безпощадной сатиры, болѣзненный кошмаръ... Можно ли намъ, членамъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, молчать, слыша подобныя извѣты, подобныя оскорбленія по адресу великаго писателя земли русской и защитника православной вѣры? Нѣтъ, мы видимъ въ Гоголѣ человека одинаковыхъ съ нами воззрѣній, который несомнѣнно, если бы дожилъ до времени основанія нашего Общества, сдѣлался бы его членомъ. Въ противовѣсъ всѣмъ нападкамъ на него мы должны, нравственно обязаны показать, что въ Гоголѣ не было ничего такого, за что онъ достоинъ бы былъ осужденія людей благомыслящихъ и желающихъ добра своему отечеству, и для этого въ настоящій разъ мы дадимъ характеристику его личности, руководясь его сочиненіями (въ одномъ томѣ, изд. Маркса) и письмами, изданными въ 4-хъ томахъ, подъ редакціей Шенрока.

Гоголь жилъ въ то время, когда волны западной цивилизаціи, нахлынувшія въ Россію, стали расшатывать коренныя устои русской жизни—православіе, самодержавіе и народность, когда подъ дѣйствіемъ идей скептицизма образованные русскіе люди стали утрачивать истинное понятіе о цѣли жизни, повторяя что она—

Даръ напрасный, даръ случайный...

Но для Гоголя эти волны не были опасны и онъ вѣрно держался за якорь спасительной вѣры Христовой. Онъ вѣровалъ въ Единаго Бога, Промыслителя вселенной, и въ Его возлюбленнаго Сына, Господа Іисуса Христа, а потому жизнь для него не была, какъ для другихъ, неразрѣшимой загадкой. «Всѣ событія,—пишетъ онъ Погодину въ 1843 г.,—суть Божьи слова къ намъ: ихъ нужно вопрошать до тѣхъ поръ, пока не допросишься, что онѣ значать» (Письма, т. 2-й, стр. 356)²⁾. Онъ неоднократно съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія говорилъ, что Христосъ, въ Котораго онъ вѣровалъ, зналъ, что такое жизнь, и что потому христіанинъ можетъ смѣло и безъ сомнѣній довѣряться водительство Того, Кто одинъ ясенъ, какъ свѣтъ (Пис. т. 4, стр. 235).

* Чтано на годичномъ собраніи Общ. Люб. Дух. Пров. въ залѣ Епархіальной Библіотеки, на Петровкѣ, 19 февр. 1902 года.

¹⁾ Такъ архіеп. Херсонскій Иннокентій укорялъ его въ томъ, что онъ въ «перепискѣ» выставляетъ на видъ внутреннюю клѣвь свою, пародируетъ свою набожность, обнаруживаетъ высокомеріе и гордость. Не одобряли «переписку» и друзья Гоголя—о. Матвѣй, ржевскій протоіерей, Павловъ, Аскаковъ и др.

²⁾ Одному «близорукому пріятелю» Гоголь писалъ, что его сужденія объ историческихъ событіяхъ—гниль, потому что сдѣланы безъ Бога (Соч. стр. 1489). «Кто съ Богомъ,—пишетъ Гоголь,—тотъ глядитъ свѣтло впередъ и есть уже въ настоящемъ творецъ блистающаго будущаго» (Соч. стр. 1490).

Законъ Христовъ приложимъ къ каждому человѣку и нетруденъ для исполненія—говорилъ Гоголь. «Стоить только всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми происходятъ у насъ непріятности наищекотливѣйшія, обратить именно въ тѣхъ самыхъ ближнихъ и братьевъ, которыхъ повелѣваетъ больше всего прощать и любить Христосъ. Стоить только не смотрѣть на то, какъ другіе съ тобою поступаютъ, а смотрѣть на то, какъ самъ поступаешь съ другими... Стоить только поступать такъ въ продолженіе небольшого времени, и увидишь, что и тебѣ легче съ другими, и другимъ легче съ тобою, и въ силахъ будешь произвести много полезныхъ дѣлъ почти на незамѣтномъ мѣстѣ» (Сочиненія, стр. 1596). Въ 1844 г. Гоголь писалъ: «Счастіе на землѣ начинается только тогда для человѣка, когда онъ, забывъ о себѣ, начинаетъ жить для другихъ» (Письма, т. 2, стр. 418).

Разныя бѣдствія, личныя и общественныя, часто ослабляютъ въ человѣкѣ вѣру въ Промыслъ Божій, потому что далеко не всякій способенъ понять благодѣтельное значеніе страданій въ жизни христіанина и одѣлать истинный смыслъ историческихъ явленій, повидимому, имѣвшихъ только пагубное дѣйствіе на развитіе человечества. Но Гоголь не былъ потрясенъ въ своихъ вѣрованіяхъ и тѣми бѣдствіями, какія достались ему самому на долю, и тѣми, какія изобразила предъ нимъ исторія, которою онъ съ такою охотою занимался, и вѣру свою въ чудесное, направляющее къ лучшему дѣйствіе Промысла Божія въ судьбахъ народовъ и отдѣльныхъ людей, онъ сохранилъ непоколебимою. Говоря, на примѣръ, о безпримѣрномъ гнетѣ надъ средневѣковымъ христіанствомъ со стороны папской власти, Гоголь и въ этомъ темномъ явленіи находилъ полезную сторону, видя въ усиленіи папской власти «изумительную мудрость Провидѣнія». Онъ говоритъ: «не схвати эта всемогущая папская власть всего въ свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанію народы—и Европа разсыпалась бы, связи бы не было; нѣкоторыя государства поднялись бы, можетъ быть, вдругъ и вдругъ бы развратились; другія бы сохранили дикость свою на гибель сосѣдямъ; образованіе и духъ народный разлились бы неровно... Европа, можетъ быть, уступила бы дикому натиску восточныхъ народовъ и магометанская луна горделиво вознеслась бы надъ нею вмѣсто креста. Невольно преклонишь колѣна, слѣдя чудные пути Промысла!» (Сочиненія, стр. 566—567). Въ отношеніи къ личнымъ своимъ невгодамъ и страданіямъ Гоголь проявлялъ не меньшую вѣру въ Божественное Промышленіе. «Никогда еще,—писалъ онъ въ 1846 г.,—тѣлесныя недуги не были такъ изнурительны... Часто въ душевномъ безсиліи восклицаешь: «Боже! гдѣ же, наконецъ, берегъ всего»? Но потомъ, когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себѣ внутрь—ничего уже не издастъ душа, кромѣ однихъ слезъ и благодаренія. О, какъ нужны намъ недуги! Изъ множества польвъ, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, укажу вамъ только на одну: нынѣ каковъ я ни есть, но я все-же сталъ лучше, нежели былъ прежде; не будь этихъ недуговъ, я бы задумалъ, что сталъ уже такимъ, какимъ слѣдуетъ мнѣ быть... Принимайте же и вы покорно всякій

недугъ, вѣря впередъ, что онъ нуженъ. Молитесь Богу только о томъ, чтобы открылось предъ вами его чудное значеніе и вся глубина его высокаго смысла» (Соч., стр. 1380—1381).

Не только болѣзни, но и самую смерть Гоголь сумѣлъ примирить съ своею вѣрою въ Промыслъ Божій. «Память смертная,—пишетъ онъ къ матери отъ 1847 года, послѣ перенесенной имъ опасной болѣзни,—это первая вещь, которую человѣкъ ежеминутно долженъ носить въ мысляхъ своихъ. Въ Свящ. Писаніи сказано, что тотъ, кто помнитъ ежеминутно конецъ свой, никогда не согрѣшитъ... По тѣхъ поръ, покуда человѣкъ не сроднится съ мыслью о смерти и не сдѣлаетъ ее какъ бы завтра его ожидающею, онъ никогда не станетъ жить такъ, какъ слѣдуетъ, и все будетъ откладывать отъ дня до дня на будущее время. Постоянная мысль о смерти воспитываетъ удивительнымъ образомъ душу, придаетъ силу для жизни и для подвиговъ среди жизни... Содержа въ мысляхъ передъ собою смерть и видя предъ собой неизмѣримую вѣчность, насъ ожидающую, глядишь на все земное, какъ на мелочь и на малость, и не только не падаешь отъ всякихъ огорченій и бѣдъ, но еще вызываешь ихъ на битву, зная, что только за мужественную битву съ ними можно удостоиться полученія вѣчности и вѣчнаго блаженства» (Пис., т. 3, стр. 331).

Несмотря на свои высокія дарованія, несмотря на славу великаго писателя, какую Гоголь скоро приобрѣлъ, онъ, по примѣру ап. Павла, не помышлялъ себя уже достигшимъ чего либо дѣйствительно цѣннаго. Смиренно сознавалъ онъ свои недостатки и несовершенства, надѣясь только въ будущемъ, съ помощію Божіей, совершить на пользу ближнихъ дѣйствительно что нибудь важное. «Другъ мой,—писалъ Гоголь въ 1846-мъ г. Щ—у, —считай себя не иначе какъ школьникомъ и ученикомъ... Для христіанина нѣтъ оконченнаго курса: онъ вѣчно ученикъ, до самаго гроба ученикъ...» (Соч., стр. 1412). «Въ сочиненіяхъ моихъ,—пишетъ Гоголь въ своемъ «завѣщаніи»,—гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ похвалу. Всѣ нападенія на нихъ были въ основаніи болѣе или менѣе справедливы» (Соч., стр. 1374). Въ своей авторской исповѣди Гоголь говоритъ, что онъ своей книгой—«перепиской съ друзьями»—никого не думалъ *учить*. «Я пришелъ къ своимъ собратьямъ какъ равный имъ соученикъ, принесъ нѣсколько тетрадей, которыя успѣлъ записать со словъ Того же Учителя, у Котораго мы всѣ учимся... Я никакой новой науки не брался проповѣдывать. Какъ ученикъ, кое въ чемъ успѣвшій болѣе другого, я хотѣлъ только открыть другимъ, какъ полегче выучивать уроки, которые даются намъ наилучшимъ Учителемъ. Я думалъ, что, по прочтеніи книги, будетъ мнѣ сказано: «благодарю тебя собратъ», а не «благодарю тебя, учитель».—Въ письмѣ своемъ къ матери отъ 1843 г. Гоголь возражаетъ противъ отзыва матери о немъ какъ о настоящемъ христіанинѣ: «я отъ этого имени,—пишетъ онъ,—далѣе, чѣмъ кто либо изъ васъ!» (Пис., т. 2, стр. 343)³).

³) Неоднократно Гоголь говорилъ о своей душевной черствости, о маловѣрн

Но погружаясь въ область религіознаго созерцанія, Гоголь не оставался только религіознымъ мыслителемъ, который старается закрывать глаза на живую дѣйствительность и сторонится отъ всякаго участія въ борьбѣ за истину и справедливость. Свою христіанскую настроенность Гоголь проявлялъ въ живой заботливости о благополучіи своихъ ближнихъ. Прочтите, напримѣръ, его обширное письмо «къ лицу, занимающему важное мѣсто» — и вы увидите, какъ болѣлъ Гоголь душою за всѣхъ обездоленныхъ и какъ горячо убѣждалъ онъ властнаго человѣка послужить своею властію меньшей братіи о Христѣ. Какимъ сочувствіемъ къ ближнимъ проникнуто другое большое письмо Гоголя — къ губернаторшѣ Смирновой! Есть письмо, въ которомъ Гоголь учитъ, какъ любить Россію и какъ эту любовь проявить на дѣлѣ; есть другое письмо, въ которомъ Гоголь доказываетъ, что, служа въ міру братьямъ своимъ о Христѣ, можно совершить такіе подвиги, какихъ не встрѣтишь и въ монастырѣ. Въ письмѣ къ вышеупомянутой Смирновой Гоголь входитъ въ разсужденія о томъ, какъ именно нужно помогать бѣднымъ. «Если помощь будетъ состоять только въ выдачѣ денегъ, она ровно ничего не будетъ значить и не обратится въ добро... Русскій человѣкъ способенъ на всѣ крайности: увидя, что съ полученными небольшими деньгами онъ не можетъ вести жизнь какъ прежде, онъ съ горя можетъ прокутить вдругъ то, что ему дано на долговременное содержаніе. А потому наставьте его, какъ ему изворотиться съ тою самою помощію, которую вы принесли ему... Всего лучше, однакожь, если бы всякая помощь производилась черезъ руки опытныхъ и умныхъ священниковъ. Они одни въ силахъ истолковать человѣку святой и глубокой смыслъ несчастія, которое есть тотъ же крикъ небесный, вопіющій человѣку о перемѣнѣ всей его прежней жизни» (Соч. стр. 1387)⁴). Нечего и говорить о томъ, что въ вопросѣ о помощи бѣднымъ Гоголь и на дѣлѣ показывалъ, что онъ хочетъ и умѣетъ благотворить: онъ не только не отказывалъ никому, кто просилъ у него денежной помощи, но и самъ предлагалъ ее, сопровождая, какъ это видно изъ писемъ его къ роднымъ, денежную помощь разными практическими совѣтами...

Какъ истинный и почтительный сынъ Православной Церкви, Гоголь весьма заботился о поднятіи авторитета Церкви и ея служителей. «Верховная инстанція всего, — говоритъ Гоголь, — есть Церковь — и разрѣшеніе вопросовъ жизни — въ ней» (Соч., стр. 1600)⁵). Церковь, по мысли Гоголя, могла бы выступить даже въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ рѣшительница наиболѣе запутанныхъ процессовъ, примиряя другъ съ другомъ тяжущихся. «Хорошо было бы, — говоритъ Гоголь, — если бы Церковь законно и крѣпко водворилась въ нынѣшнюю жизнь русскаго человѣка!» (Соч., стр. 1504—1505). Въ письмѣ своемъ къ одному помѣщику Гоголь совѣтуетъ

своемъ, о томъ, что онъ не можетъ долго сосредоточиваться въ молитвенномъ настроеніи. Все это — признаки истинно-христіанскаго смиренія...

⁴) Гоголь глубоко возмущался тѣми безумными тратями, какія богатые люди производятъ на себя для доставленія себѣ наибольшаго комфорта (Сочин., стр. 1451—1452).

⁵) Въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно-русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простаго семейственнаго, всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога (Соч., стр. 1430).

ему приблизить къ себѣ своего сельскаго священника, воспитать его до себя, такъ какъ въ семинаріяхъ ученикамъ не дается такого воспитанія, какое бы отвѣчало идеальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ пастырю Церкви. «Если священникъ дурень, — пишетъ Гоголь, — то этому почти виноваты всегда сами помѣщики. Они намѣсто того, чтобы призрѣть его у себя въ домѣ какъ родного, бросятъ его среди мужиковъ, молодого и неопытнаго, когда онъ еще не знаетъ, что такое мужикъ; поставятъ его въ такое положеніе, что онъ еще долженъ потворствовать и угождать имъ намѣсто того, чтобы уже съ самаго начала имѣть надъ ними нѣкоторую власть. И послѣ того вопіютъ, что у нихъ священники дурные, что они приобрѣли мужицкія ухватки и ничѣмъ не отличаются отъ мужиковъ. Да я спрашиваю: кто не огрубѣетъ даже изъ приготовленныхъ и воспитанныхъ? А ты сдѣлай вотъ какъ. Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги, а самое главное — бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ. Тутъ онъ увидитъ ясно, что такое помѣщикъ, что такое мужикъ, и каковы должны быть ихъ отношенія между собою. А между тѣмъ и къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобою объ руку. Сдѣлай такъ, чтобы онъ не нуждался въ домѣ своемъ, чтобы былъ обезпеченъ относительно собственнаго хозяйства» (Соч., стр. 1469—1470).

Но, заботясь о поднятіи значенія священника, Гоголь въ то же время былъ противъ того, чтобы наше духовенство играло такую же роль въ политической и свѣтской жизни, какую заняло западное духовенство. «Зачѣмъ хотите вы, — пишетъ онъ гр. А. П. Толстому, — чтобы наше духовенство, доселѣ отличавшееся величавымъ спокойствіемъ, столь ему пристойнымъ, стало въ ряды европейскихъ крикуновъ и начало, подобно имъ, печатать опрометчивыя брошюры?.. Духовенство наше не бездѣйствуетъ. Я очень знаю, что въ глубинѣ монастырей и въ тишинѣ келлій готовятся неопровержимыя сочиненія въ защиту нашей Церкви. Но мы болѣе всего должны защищать нашу Церковь жизнью своею. Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго, потрясающаго гласа, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло, и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: «не произноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду Церкви!» (Соч., стр. 1395—1397). Въ другомъ письмѣ своемъ къ тому же лицу Гоголь говоритъ: «замѣчаніе, будто власть Церкви оттого у насъ слаба, что наше духовенство мало имѣетъ свѣткости и ловкости обращенія въ обществѣ, есть такая нелѣпость, какъ и утвержденіе, будто духовенство у насъ вовсе отстранено отъ всякаго соприкосновенія съ жизнію уставами нашей Церкви и связано въ своихъ дѣйствіяхъ правительствомъ...

Повѣрьте, если бы они (священники) стали встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, то это было бы нехорошо... Римско-католическіе попы именно оттого сдѣлались дурными, что черезъ чуръ сдѣлались свѣтскими. Хорошо, что духовенство находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Хорошо, что даже самой одеждой своей, не подвластной никакимъ измѣненіямъ и прихотямъ нашихъ глупыхъ модъ, они отдѣлились отъ насъ. Одежда ихъ прекрасна и величественна... Она—по образу той одежды, которую носилъ Самъ Спаситель. Нужно, чтобы и въ самой одеждѣ своей они носили себѣ вѣчное напоминаніе о Томъ, Чей образъ они должны представлять намъ, чтобы и на одинъ мигъ не позабылись и не растерялись среди развлеченій и ничтожныхъ нуждъ свѣта; ибо съ нихъ въ тысячу кратъ больше взыщется, нежели съ каждаго изъ насъ; чтобы слышали безпрестанно, что они—какъ бы другіе и высшіе люди... Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта для того, чтобы узнать его. Это просто вздоръ. Опроверженіемъ такого мнѣнія служатъ всѣ свѣтскіе люди, которые толкаются вѣчно среди свѣта и при всемъ томъ бываютъ всѣхъ пустѣе... (Соч., стр. 1397—1398).

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что Бѣлинскій по поводу отзывомъ Гоголя о православномъ духовенствѣ писалъ ему, что онъ «пропѣлъ гимнъ русскому духовенству, тогда какъ оно находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа» (Пис., т. 4, стр. 36, прим. 2). Гоголь не оставилъ это возраженіе безъ отвѣта. «Отчего у васъ такой духъ ненависти?—пишетъ онъ Бѣлинскому.—Я очень много зналъ дурныхъ поповъ, но встрѣчалъ за то и такихъ, которыхъ святости жизни и подвигамъ я дивился, и видѣлъ, что они—созданье нашей восточной Церкви а не западной... Вы отдѣляете Церковь отъ христіанства, ту самую Церковь, тѣхъ самыхъ пастырей, которые мученичествомъ своей смерти запечатлѣли истину всякаго слова Христа, которые тысячами гибли подъ ножами и мечами убійць, молясь за нихъ, и наконецъ утомили самыхъ палачей... И этихъ самыхъ пастырей, этихъ мучениковъ-епископовъ, которые вынесли на плечахъ святыню Церкви, вы хотите отдѣлить отъ Христа, называя ихъ несправедливыми истолкователями Христа! Кто же, по вашему, ближе и лучше можетъ истолковать теперь Христа? Неужели нынѣшніе коммунисты и социалисты, объясняющіе, что Христосъ повелѣлъ отнимать имущества и грабить тѣхъ, которые нажили себѣ состояніе? Опомнитесь, куда вы зашли!» (Пис., т. 4, стр. 36—37).

Гоголь не на словахъ только былъ приверженцемъ Православной Церкви: вся жизнь его была полна христіанскихъ подвиговъ, какіе заповѣдуетъ своимъ вѣрнымъ чадамъ святая Церковь въ своихъ уставахъ и обычаяхъ. Онъ любилъ посѣщать храмъ Божій и умѣлъ цѣнить истовое совершеніе богослуженія. Такъ онъ хвалитъ въ своихъ письмахъ служеніе въ московскихъ церквахъ⁶⁾, восторгается Оптиной пустыней. «Благодать

видимо тамъ присутствуетъ,—писалъ Гоголь объ этомъ монастырѣ.—Это слышится въ самомъ наружномъ служеніи... Нигдѣ я не видалъ такихъ монаховъ» (Пис., т. 4, стр. 332). Онъ ѣздилъ поклониться святынь гроба Господня въ Иерусалимѣ, надѣясь найти тамъ ободреніе и силы для новой работы. Въ послѣсловіи къ своему толкованію на литургію Гоголь, конечно, на основаніи собственнаго опыта, говоритъ, что прилежно слушающіе божественную литургію выходятъ изъ церкви кротче, милѣе въ обхожденіи съ людьми, дружелюбнѣе, тише во всѣхъ поступкахъ. Гоголь любилъ сливаться съ жизнью всей Церкви въ важнѣйшіе церковные праздники, находя въ нихъ великій смыслъ. «Спокоенъ и грозенъ Великій постъ!—говоритъ онъ въ петербургскихъ запискахъ.—Кажется, слышенъ голосъ: «стой, христіанинъ; оглянись на жизнь свою!» На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебя, время думы и молитвы! Свободнѣе, обдуманнѣе потекутъ мои мысли» (Соч., стр. 760). Гоголь говѣлъ въ посты, какъ требовали церковные уставы, и старался выдержать постную діету, хотя постная пища была прямо вредна его истощенному организму. Во время говѣнія онъ проникался особымъ умиленіемъ и изъ очей его текли сладкія безпричинныя слезы, по которымъ пустынники узнавали приходъ Бога въ свою душу (Пис., т. 2, стр. 361). Больному другу своему, поэту Языкову, Гоголь совѣтуетъ поговѣть при первомъ же случаѣ, во время говѣнія читать духовныя книги, всякую субботу служить у себя всенощную (Пис., т. 2, стр. 328). Самъ Гоголь очень любилъ читать духовныя книги и особенно Св. Писаніе⁷⁾. Изъ его писемъ видно, что онъ хорошо былъ знакомъ со многими святоотеческими писаніями, выписывалъ журналы: Творенія св. Отцевъ и Христіанское Чтеніе; особенно онъ любилъ читать Златоуста, Ефрема Сирина и Іоанна Лѣствичника и со вниманіемъ перечитывалъ произведенія нашихъ проповѣдниковъ: Дмитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго, архіепископа Иннокентія, митрополита Филарета, а изъ западныхъ читалъ чаще всего сочиненіе Томы Кемпійскаго «О подражаніи Христу». Докторъ Тарасенковъ сообщаетъ въ своей брошюрѣ «Послѣдніе дни жизни Гоголя» (Петерб. 1657), что Гоголь и въ то время, когда художественная дѣятельность повидимому поглощала все его вниманіе, любилъ разговаривать о религіозныхъ предметахъ, особенно о томъ, что принадлежитъ православію. Нѣкоторыя молитвы, нѣкоторые псалмы приводили его въ восхищеніе. Такъ изреченіе Св. Писанія: *Твориай Ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный* онъ повторялъ по нѣскольку разъ сряду и удивлялся красотѣ выраженій славянскаго языка (стр. 7-я). Гоголь часто заказывалъ молебны и выразилъ желаніе въ своемъ завѣщаніи, чтобы въ его имѣніи, если сестры его не выйдутъ замужъ, была устроена монастырская обитель для дѣвиць, рѣшившихся посвятить свою жизнь уходу за больными и несчастными. «Я хотѣлъ бы,—

⁷⁾ Прилагая ученіе его къ себѣ и современнымъ обстоятельствамъ жизни. Всяко слово въ писаніи требуетъ, по мнѣнію Гоголя, здраваго и долгаго размышленія и предварительной молитвы къ Богу, чтобы Богъ помогъ понять это слово и приложить его къ жизни (Пис., т. 3, стр. 326).

⁶⁾ Хвалить ихъ старанную иконопись (Пис., т. 4, стр. 243).

пишетъ Гоголь въ «совѣтъ сестрамъ», — чтобы по смерти моей былъ выстроенъ храмъ, въ которомъ бы производились частыя поминки по моей грѣшной душѣ. Для того кладу въ основаніе половину моихъ доходовъ съ сочиненій... Я бы хотѣлъ, чтобы тѣло мое было погребено если не въ церкви, то въ оградѣ церковной, и чтобы панихиды по мнѣ не прекращались (Пис., т. 4, стр. 426).

Гоголя обвиняютъ въ излишней приверженности къ обрядовой сторонѣ православія и говорятъ, что онъ будто бы не понималъ истиннаго духа христіанства. Это обвиненіе совершенно несправедливо. Гоголь, напротивъ, былъ врагъ мертвой обрядности. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ его близкіе и друзья служили Богу не только тѣломъ, — говѣніемъ, постами, земными поклонами, — но духомъ и умомъ. «Я никогда не думалъ, — пишетъ онъ матери и сестрамъ 16 февраля 1847 г., — чтобы вы были такъ мало христіанки. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды, не пропускать вечерни, поставить свѣчку, да ударить лишній поклонъ въ землю» (Пис., т. 3, стр. 363). Въ 1842 г. онъ писалъ Аксакову: «разсмотрите меня и мою жизнь среди васъ. Что вы нашли во мнѣ похожаго на ханжу или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, не думая о томъ, чтобы быть лучшею? Развѣ нашли вы во мнѣ слѣдную вѣру во всѣ безъ различія обычаи предковъ, не разбирая, на лжи или на правдѣ они основаны?» Объясняя далѣе въ этомъ же письмѣ свое рѣшеніе поѣхать въ Иерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, Гоголь говоритъ: «Развѣ вы открыли во мнѣ что нибудь похожее на фанатизмъ и жаркое, вдругъ раждающееся увлеченіе чѣмъ нибудь? И если въ душѣ такого человѣка, уже по самой природѣ своей болѣе медлительнаго и обдумывающаго, чѣмъ быстрого и торопящагося, который притомъ хоть сколько нибудь умудренъ и опытомъ, и жизнью, и познаніемъ людей и свѣта, если въ душѣ такого человѣка родилась подобная мысль предпринять это отдаленное путешествіе, то, вѣрно, она уже не есть слѣдствіе мгновеннаго порыва, вѣрно, уже слишкомъ благородна она, вѣрно, далеко оглянута она, вѣрно, и умъ, и душа, и сердце соединились въ одно, чтобы послужить такой мысли... Какъ вы хотите, чтобы въ груди того, который услышалъ высокія минуты небесной жизни, который услышалъ любовь, не возродилось желаніе взглянуть на ту землю, гдѣ проходили стопы Того, Кто первый сказалъ слово любви сей человѣкамъ, откуда истекла она въ міръ?» (Пис., т. 2, стр. 206—208). Замѣчательно, что Гоголь, увидѣвъ Святую Землю и богослуженіе, совершавшееся при св. гробѣ, значительно разочаровался въ этой странѣ и говорилъ послѣ, что она, въ настоящемъ своемъ видѣ, не можетъ возгрѣть чувство христіанина новымъ жаромъ (Письмо къ Жуковскому). Могъ ли такъ думать и говорить человѣкъ исключительно признававшій въ христіанствѣ только внѣшнюю обрядность?

Говорятъ еще, что Гоголь сталъ религіозенъ только въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. Опять и это неправда. Вся переписка Гоголя показываетъ, что онъ

всегда обнаруживалъ религіозную настроенность. Справедливо онъ говорилъ о себѣ, что онъ всегда былъ одинаковъ. Еще въ 1829 г. въ письмѣ къ матери онъ представляетъ постигавшія его неудачи какъ дѣло Промысла Божія, направлявшаго его этими неудачами на истинный путь (Пис., т. 1, стр. 125). Давая совѣты своей матери въ письмѣ отъ 1833 г. Гоголь пишетъ; «внушите ей правила религіи: это фундаментъ всего... Говорите ей поболѣе о будущей жизни, опишите всѣми возможными и нравящимися дѣтямъ красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя муки ждутъ грѣшныхъ (Пис., т. 1, стр. 260). Словомъ, во всѣ періоды своей жизни Гоголь обнаруживалъ вѣру въ Промыслъ Божій, такъ что говорить о какомъ то переворотѣ въ сторону религіи, имѣвшемъ мѣсто будто бы около 1842 г., нѣтъ никакого основанія. Тѣхъ, кто предполагаетъ возможность въ Гоголѣ такого переворота, смущаетъ, очевидно, та сфера занятій, въ какой вращался Гоголь до 1842 года, — именно его обличительно-сатирическая дѣятельность. Но можно ли сказать, что эта дѣятельность Гоголя стояла въ противорѣчьи съ его христіанскими убѣжденіями? Нѣтъ и нѣтъ! «Когда я писалъ прежнія свои сочиненія, — говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Бѣлинскому, — я благоговѣлъ предъ всѣмъ, предъ чѣмъ человѣкъ долженъ благоговѣть. Насмѣшки и нелюбовь слышались у меня не надъ властью, не надъ коренными законами нашего государства, но надъ извращеніемъ, надъ уклоненіемъ, надъ неправильными толкованіями, надъ дурнымъ приложеніемъ ихъ. Нигдѣ не было у меня насмѣшки надъ тѣмъ, что составляетъ основу русскаго характера: насмѣшка была только надъ мелочью, несвойственной его характеру» (Пис., т. 4, стр. 33). Въ письмѣ къ Аксакову Гоголь выражаетъ ту мысль, что между всей его прежней литературной дѣятельностью и его религіозными подвигами, какіе онъ предпринималъ, нѣтъ никакого противорѣчія, а скорѣе есть нѣкоторая тайная связь (Пис., т. 2, стр. 209). А какая тутъ связь — это можетъ, конечно, понять только тотъ, кто вспомнитъ обличительную дѣятельность древнихъ пророковъ-посланниковъ Божіихъ⁸⁾, кто принялъ къ сердцу наставленія Апостола, совѣтующаго *обличать безплодную дѣла тьмы* (Ефес. 5). Гоголь всегда съ особымъ вниманіемъ читалъ посланія апост. Павла и, конечно, это наставленіе усвоилъ...

Что сказать противъ того взгляда на Гоголя, по которому религіозность его представляется явленіемъ болѣзненной, необычайно возбужденной экзальтаціи, граничащей съ психозомъ? На это обвиненіе пусть отвѣтитъ самъ обвиняемый. «Твое уподобленіе меня княгинѣ Волконской, — пишетъ онъ въ 1847 году Шевареву, — относительно религіозныхъ экзальтацій, самоуслажденій и устремленій воли Божіей лично къ себѣ, равно какъ и открытіе твое во мнѣ признаковъ католичества, мнѣ показались невѣрными... Что касается католичества, то скажу тебѣ, что я пришелъ ко Христу скорѣе протестантскимъ путемъ, чѣмъ католическимъ. Анализъ надъ душой человѣка такимъ образомъ, какимъ его не про-

⁸⁾ На памятникѣ Гоголю вырѣзаны воплѣвѣ подходящія къ характеру писателя слова Іереміи: *горькимъ словомъ моимъ помянется...*

изводятъ другіе люди былъ причиною того, что я встрѣтился со Христомъ, изумясь въ Немъ прежде мудрости человѣческой и неслыханному дотолѣ знанью души, а потомъ уже поклоняясь Божеству Его. Экзальтаціи у меня нѣтъ, скорѣй ариѳметическій расчетъ, на теоріяхъ у меня тоже ничего не основывается» (Пис., т. 3, стр. 355). И въ чемъ собственно находятъ признаки болѣзненной экзальтаціи у Гоголя? Въ его необычайно сильномъ представленіи загробной жизни? (Соч. Гоголя, предисловіе Шенрока, стр. 24—24). Но считать на этомъ основаніи Гоголя психически разстроеннымъ—значитъ считать ненормальными и всѣхъ писателей церковныхъ—аскетовъ, мысли которыхъ въ этомъ случаѣ Гоголь прямо повторяетъ. И гдѣ тотъ нормальный человѣкъ, по масштабу котораго современные психіатры измѣряютъ ненормальность другихъ людей? Не слишкомъ ли произвольно поэтому и мнѣніе доктора Баженова, опредѣлившаго религіозность Гоголя какъ проявленіе укоренившагося въ немъ психическаго недуга?

Не можемъ умолчать еще объ одномъ возраженіи противъ религіозности Гоголя. Сотрудники «Новаго Времени» г.г. В. В. Розановъ, Щегловъ, Энгельгардтъ стали въ прошломъ году съ настойчивостью доказывать, что религіозность Гоголя убила въ немъ литературныя стремленія. О. Матвѣй ржевскій представляется этими критиками какъ злой духъ литературной музыки Гоголя. Онъ заставилъ его будто бы отречься отъ Пушкина, убѣдилъ его въ томъ, что театръ и беллетристика безусловно вредны, такъ какъ не служатъ прямымъ цѣлямъ религіи... О. Матвѣй является въ глазахъ одного изъ этихъ критиковъ представителемъ семинаризма, которому свойственно будто бы отрицательное отношеніе къ красотѣ и изяществу и въ частности презрѣніе къ произведеніямъ изящной словесности. Общеніе Гоголя съ однимъ изъ поборниковъ такого взгляда на беллетристику и заставило будто бы Гоголя бросить перо беллетриста... Вотъ обвиненіе. Но можно ли повѣрить, что о. Матвѣй лишалъ Россію новыхъ великихъ произведеній, какіе будто бы могъ подарить ей Гоголь? Едва ли дѣло произошло такимъ образомъ. Гоголь, какъ мы видѣли уже раньше, вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, который бы безъ критики принялъ какое-нибудь странное для него мнѣніе другого лица. Если бы о. Матвѣй указалъ ему на небогоугодность занятія беллетристикой, то Гоголь могъ бы указать ему, что беллетристика изучалась и въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ воспитанники пріучались даже къ составленію беллетристическихъ произведеній всякаго рода. Вообще вліяніе о. Матвѣя и бесѣды его съ Гоголемъ не приведены еще въ достаточную извѣстность, чтобы можно было обо всемъ этомъ составить какое-нибудь опредѣленное представленіе. Дѣло это—т. е. отреченіе Гоголя отъ прежней своей литературной дѣятельности можно объяснить гораздо проще и естественнѣе. Подъ вліяніемъ болѣзни, давно уже удручавшей Гоголя, его нервы расшатались весьма сильно; упали его и физическія силы, а при такомъ состояніи здоровья ему едва ли можно было создать художественное произведеніе, которое бы по своимъ достоинствамъ не уступало прежнимъ. Въ письмахъ

своихъ послѣдняго времени онъ неоднократно говоритъ, что писать ему трудно, что онъ часто не находитъ подходящихъ словъ и выраженій, что у поэта, какъ и у всякаго человѣка, бываетъ только одна весна... И что Гоголь съ другой стороны могъ создать положительнаго для второго тома своихъ «Мертвыхъ душъ»? Гдѣ онъ могъ найти положительные типы для предполагавшагося имъ великаго труда? И не въ этомъ ли оскудѣніи силъ и въ отсутствіи матеріала лежала причина того, что онъ бросилъ въ сторону перо беллетриста?

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что въ религіозномъ міросозерцаніи Гоголя были все-таки и нѣкоторыя недостатки (таковъ, напримѣръ, его взглядъ на посѣщеніе дѣтьми богослуженія, на Римъ, какъ мѣсто, наиболѣе пригодное для молитвы, и нѣкоторыя другія мнѣнія ранняго періода его жизни);—но есть ли человѣкъ, *уже поживетъ и не согрѣшитъ*? Во всякомъ случаѣ эти недостатки побрываются его истинно-христіанскими расположеніями и добрыми дѣлами.

Въ завѣщаніи своемъ Гоголь говоритъ: «прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ, начиная отъ святителей». Нѣтъ сомнѣнія, что завтра и послѣ завтра служители Православной Церкви и всѣ истинно-православные люди съ полнымъ расположеніемъ исполнять эту просьбу великаго писателя земли русской и отъ души провозгласятъ ему «вѣчную память»!

Н. Розановъ.

Ученый іезуитъ Павелъ Пирлингъ и его книга: Россія и св. Престолъ.

(La Russie et le Saint—Siège).

(Окончаніе, см. М. Ц. В. № 50-й 1901 года).

На святой Руси царь долженъ быть государемъ благочестивымъ, его отношенія къ духовенству должны быть наилучшими. Надо сознаться, здѣсь Димитрій сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Еще въ эпоху краковскихъ переговоровъ о вѣрѣ, онъ настаивалъ на необходимости имѣть въ Москвѣ патріарха. Низложилъ Іова, Димитрій снѣшилъ поставить ему преемника. Выбранъ былъ архіепископъ рязанскій, грекъ Игнатій, снискавшій царскую милость тѣмъ, что первый изъ русскихъ епископовъ перешелъ на сторону шедшаго въ Москву царевича; вообще человѣкъ онъ былъ неважный, нравственныя качества его были не высоки; достаточно указать на то, что онъ всѣмъ своимъ положеніемъ былъ обязанъ Годунову—и первый покинулъ его, или же на переходѣ этого завлятаго, въ свое время, врага латинства въ унию; болѣе чѣмъ вѣроятно, что Димитрій съ намѣреніемъ поставилъ во главѣ русской церкви человѣка, настолько извѣстнаго своею враждою къ латинству, что не оставалось мѣста для подозрѣній «царя» въ латинскихъ симпатіяхъ, и настолько гибкаго, что онъ ничему не сталъ бы мѣшать.

Посадивъ на патріаршемъ престолѣ человѣка, безусловно ему преданнаго, Димитрій въ то же время старался обезпечить себѣ расположеніе всего вообще выс-

шаго духовенства: его представители получают со стороны царя признаки самого почтительного внимания, призваны въ царскій совѣтъ, всѣ ихъ права торжественно подтверждены. Все высшее духовенство временъ Бориса осталось на своихъ мѣстахъ; среди русскихъ іерарховъ появляется одно лишь новое лицо: это пострадавшій отъ Годунова Филаретъ Романовъ, лице настолько популярное, что его возвышеніе въ санъ митрополита ростовскаго могло только понравиться клиру и народу. «Царь», прежде не скрывавшій своей ненависти къ Московскому монашеству, теперь благосклонно относится къ нему, даже предпринялъ благочестивый походъ въ Троице-Сергіевъ монастырь; слава Дмитрія, какъ царя православнаго, пронеслась и за предѣлами земли Русской: православныя братства Западной Руси, патриархъ іерусалимскій Софроній просятъ и получаютъ отъ него денежную помощь. Такому благочестивому царю русскіе іерархи позволяютъ себѣ оказать и нѣкоторыя послабления: русскіе епископы, за исключеніемъ двухъ, согласились допустить бракъ «государя» съ латинской дѣвицею—дѣло неслыханное на святой Руси.

Едва Дмитрій надѣлъ шапку Мономаха, въ Краковѣ отправилось его посольство, съ дьякомъ Аѳанасіемъ Власьевымъ во главѣ, для заключенія брака между «царемъ» и дочерью воеводы Сандомирскаго. Посольство это было обставлено съ неслыханною роскошью, долженствовавшею внушить полякамъ высокое представленіе о могуществѣ и богатствѣ Россіи. Богатѣйшіе царскіе подарки поднесены были Мнишку, возбуждая своею роскошью изумленіе и зависть другихъ магнатовъ. 29-го ноября 1605 г., въ присутствіи короля, членовъ его семьи и представителей высшего общества совершена была епископомъ краковскимъ Мацеіовскимъ брачная церемонія. Красавица Марина въ бѣломъ платьѣ, усыпанномъ драгоценными камнями, привлекала всеобщее вниманіе, особенно благодаря контрасту съ Власьевымъ, представлявшимъ особу жениха: крупное великорусское лице царскаго посла, неловкія манеры, парчевый кафтанъ московскаго покроя—все это казалось такимъ необычнымъ и такимъ смѣшнымъ въ глазахъ польскихъ пановъ. Когда началось вѣнчаніе, Власьевъ, на вопросъ кардинала, не связанъ ли царь брачнымъ обѣтомъ съ другой женщиной, простодушно заявилъ, что это ему неизвѣстно; съ трудомъ удалось положить конецъ неожиданному инциденту, добившись отъ посла уклончиваго отвѣта, что если бы Дмитрій былъ уже женатъ, то и его, Власьева, сюда не послали бы. Не осмѣливаясь прикоснуться къ будущей царицѣ, онъ подавалъ ей руку не иначе, какъ обернувъ ее платкомъ, а когда обмѣнялись кольцами, то первой его заботой было тотчасъ же отправить его съ курьеромъ въ Москву. По окончаніи церемоніи и Власьевъ, и другіе русскіе палачи предъ новой царицею. За свадебнымъ пиромъ Власьевъ опять оказался строгимъ блюстителемъ этикета: лишь силою удалось посадить его рядомъ съ царицею, а къ кушаньямъ такъ и не прикоснулся; когда начались здравицы, и стало раздаваться имя Дмитрія, Власьевъ при каждомъ упоминаніи государя кланялся земно.

Краковское торжество нашло громкій отголосокъ въ Римѣ; наилучшихъ послѣдствій для католицизма ждали здѣсь отъ этого брака. Но всякая картина, какъ говорить, неизбежно должна сочетать въ себѣ и свѣтъ и тѣни. Въ то время, когда происходили свадебныя торжества, въ Краковѣ же сталъ носиться слухъ, что царь—не сынъ Грознаго, а самозванецъ; слухъ этотъ былъ пущенъ въ ходъ московскими людьми; даже официальное лицо, гонецъ Дмитрія, Иванъ Безобразовъ какъ то разъ жаловался магнатамъ отъ лица бояръ Шуйскихъ и Голицыныхъ, что русскимъ не по душѣ присланный изъ Польши самозванецъ, и что съ нимъ-де бояре думаютъ раздѣлаться и посадить на престолъ королевича Владислава. На счетъ этого уже происходили тайныя переговоры бояръ съ королемъ; признаніе въ этомъ было сдѣлано королемъ (въ 1608 году) преемнику Рангони, нунцію Симонетта.

Король тѣмъ свободнѣе могъ вступить въ такіе переговоры, что почти тотчасъ по отбѣздѣ Марины отношенія его къ Дмитрію обострились. Дмитрій не желалъ и слышать ни о борьбѣ со Швеціею изъ за династическихъ интересовъ Сигизмунда, ни объ уступкѣ ему громаднаго количества русскихъ земель; король же, съ своей стороны, не хотѣлъ почтить царя пышнымъ титуломъ, который принялъ Дмитрій. Послѣдній, видя охлажденіе къ нему польскаго двора, смѣло шелъ ему навстрѣчу, не дѣлая ровно ничего для поправки отношеній. Оправданіе такому странному поведенію Дмитрія слѣдуетъ искать въ исторіи внутреннихъ дѣлъ Польши. Въ то время значительная часть польской шляхты подняла «роботшъ» противъ короля, недовольная его правленіемъ. Во главѣ недовольныхъ стоялъ тотъ самый Зебжидовскій, который принималъ раньше горячее участіе въ московскомъ царевичѣ. И вотъ мы стоимъ лицомъ къ лицу со страннымъ и изумительнымъ положеніемъ вещей: въ то время, какъ бояре предлагаютъ Мономаховъ вѣнецъ королевичу Владиславу, польская шляхта мечтаетъ посадить на престолъ Ягеллоновъ Дмитрія. Понятно, что послѣдній, видя отовсюду слабость польскаго короля, и позволялъ себѣ говорить съ нимъ твердо и рѣзко.

Недолго пришлось Дмитрію царствовать на Москвѣ; но весело и разгульно поцарствовалъ онъ. Мрачно-спокойный Кремль преобразился: громъ музыки, веселый шумъ пировъ оглашали его; суровое и величественное жилище московскихъ государей плохо гармонировало съ этимъ веселымъ бездѣльемъ. Дмитрій послѣшилъ выстроить себѣ новый дворецъ, деревянный, но блиставшій роскошью и богатствомъ. Здѣсь окруженный своими любимцами, всякими нехристями, пировалъ «царь»; изъ этого же, охраняемаго наемными иноземцами-тѣлохранителями, дворца правилъ онъ землею Русскою.

Слишкомъ кратковременно было царствованіе Дмитрія, слишкомъ легкомыслененъ былъ онъ для того, чтобъ сдѣлать что либо глубокое и прочное, но кое-что удалось ему все же сдѣлать. Тѣ коренныя реформы, о которыхъ онъ мечталъ вмѣстѣ съ іезуитами,—реформы церкви,—разумѣется, такъ и остались въ области однихъ

только желаній; но нѣкоторыя подробности управления подверглись передѣлкѣ: такъ преобразована была государственная дума на подобіе польскаго сената, сдѣланы были попытки къ ограниченію кабалныхъ записей; но къ чему «царь» питалъ особенную любовь — это къ военному дѣлу. Димитрій самъ цѣлыми днями обучалъ солдатъ, выписывалъ изъ-за границы инструкторовъ, живо интересовался работой пушечно-литейнаго завода, выстроилъ громадный гуляй-городъ и украсилъ его, къ великому соблазну русскихъ людей, изображеніями разныхъ чудищъ. Но не одними дѣлами занимались въ Кремлѣ; не мало времени отводилось и бездѣлю: пиры и охота были любимымъ времяпровожденіемъ Димитрія.

Сильно хотѣлось Димитрію видѣть въ Москвѣ Марину. А старикъ Мнишекъ, словно нарочно, медлил своимъ отъѣздомъ въ Россію. Онъ не хотѣлъ ѣхать въ Москву, не получивъ опредѣленнаго отвѣта отъ инквизиціи по поводу тѣхъ послабленій, какія Димитрій просилъ для Марины. Наконецъ, дальше откладывать свой отъѣздъ въ Москву казалось уже неудобнымъ. 2-го марта 1606 года будущая московская царица, ея отецъ и громадная свита изъ духовенства и шляхты съ слугами, — народъ, по большей части отпѣтый, — двинулись въ путь. Въ началѣ апрѣля путешественники переступили русскій рубежъ; многимъ уже не суждено было воротиться въ Польшу, многіе увидѣли родную землю, лишь много выстрадавъ.

Мрачно и непривѣтливо встрѣтила пришельцевъ Русская земля: унылыя и однообразныя лѣсныя картины затянуты были туманной сѣткой снѣга и дождя, плохія и вдобавокъ совсѣмъ размытыя дороги причиняли немало хлопотъ и затрудненій. Пока Марина съ остановками двигалась къ Москвѣ, Мнишекъ уже былъ тамъ, послѣдивъ впередъ, чтобы увѣдомить Димитрія о предстоящемъ прибытіи въ Москву Марины. 2-го мая будущая царица прибыла въ Москву. Красота молодой дѣвушки производила на всѣхъ свидѣтелей глубокое впечатлѣніе. Кorteжъ остановился у воротъ Вознесенскаго монастыря, здѣсь, въ жилищѣ будущей своей свекрови, Марина должна провести нѣсколько дней предъ бракомъ и коронованіемъ, подъ предлогомъ наставленій въ догматахъ православной вѣры.

Строго говоря, бракъ Димитрія съ Мариной былъ уже совершенъ. Католическая церковь не требовала повторенія церемоніи, хотя и допускала его. Димитрію хотѣлось окружить въ Москвѣ царицу возможно большимъ блескомъ и торжествомъ; къ тому же, ради поданныхъ, являлась необходимость совершить и православное бракосочетаніе. Такъ или иначе вопросъ о вторичномъ вѣнчаніи рѣшонъ былъ въ положительномъ смыслѣ. Былъ еще одинъ мотивъ, побуждавшій царя къ этому шагу; для него не являлось тайной то неодобреніе, съ какимъ московскіе люди относились къ его женитьбѣ на иновѣркѣ; лишній разъ показавъ Марину въ православномъ храмѣ, при православномъ богослуженіи, Димитрій могъ надѣяться смягчить это неудовольствіе москвичей.

Вмѣстѣ съ бракосочетаніемъ должно было состояться также и царское вѣнчаніе Марины; здѣсь тоже являлись

соображенія, требовавшія безотлагательнаго совершенія этого акта. Въ средѣ московскаго духовенства, правда, лишь немногіе — Гермогенъ Казанскій и Іоасафъ Коломенскій — требовали непременно крещенія Марины, другіе же іерархи склонялись къ тому, чтобы совершить надъ нею таинство миропомазанія; непреклонность Марины, ея нежеланіе идти на какія либо уступки лишали Димитрія возможности выдти изъ этого затрудненія, и здѣсь очень кстати приходилось коронованіе, во время коего тоже совершается помазаніе св. миромъ; для избѣжанія скандала и отвода глазъ, что называется, это было превосходнымъ случаемъ, и за него крѣпко ухватился царь.

8-го мая, подъ Николинъ день, бѣлокаменная золотая глава Москва гудѣла колокольнымъ звономъ; толпы народа наполняли Кремль, тѣснились въ соборахъ; доступъ въ Успенскій соборъ, къ великому соблазну русскихъ людей, былъ открытъ въ этотъ день и латинскимъ нехристямъ. Вѣнчаніе брачное и вѣнчаніе царское были совершены по чину; одно лишь произвело на духовенство и зрителей тяжелое впечатлѣніе — это отказъ Марины, а за ней и Димитрія, причаститься, — фанатичка католицизма осталась вѣрна себѣ. Далеко за полночь затянулась пирушка и танцы въ этотъ день, и никто не подозрѣвалъ, что скоро «кончится пиръ ихъ бѣдою».

Все чаще и чаще начинаетъ носиться въ Москвѣ слухъ о томъ, что царь Димитрій — еретикъ. Слухъ этотъ подкрѣпляется свидѣтельствомъ зарубежных западно-русскихъ святителей, они прямо объявляли московскаго царя католикомъ. Его странное поведеніе въ благочестивой и строгой Москвѣ, неискренность къ православію, его западныя симпатіи становятся замѣтными для народа. Партія бояръ, во главѣ съ хитрымъ и двоедушнымъ Шуйскимъ, съ самаго начала стала орудовать противъ Димитрія. Для этой партіи безразлично было: самозванецъ ли былъ онъ или сынъ Грознаго. Пока живъ еще былъ Годуновъ имъ нуженъ былъ Димитрій, какъ орудіе для сверженія съ царскаго престола Бориса; теперь же гибель Годунова является и гибелью Димитрія. Гибель Димитрія была необходима для Шуйскаго: онъ самъ мѣтилъ на престолъ Мономаховъ.

Лица, окружавшіе въ Кремлѣ Димитрія, предчувствовали гибель Самозванца и считали ее неизбежною съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Москвѣ поляки, возмущавшіе народъ своимъ поведеніемъ. Іезуиты Савицкій и Чировскій начинаютъ уже рѣже видѣться съ царемъ. Но, странное дѣло, одинъ лишь Димитрій ничего не подозрѣвалъ; больше того, онъ отказывался вѣрить сообщаемымъ ему тревожнымъ свѣдѣніямъ, онъ, словно умышленно, закрывалъ глаза на все, что намекало на готовившееся возстаніе.

Въ ночь съ 16-го на 17-е мая 1606 года снова загудѣли кремлевскіе колокола; но не къ торжеству звалъ звонъ, а къ грабежу и убійству. Толпы народа бѣжали по улицамъ, нападая на тѣ дома, гдѣ жили поляки; толпы черни ломились въ Кремль, старый измѣнникъ Шуйскій самъ велъ ихъ къ царскому дворцу. Страшно

было пробужденіе «безвременнаго царя»; пока вѣрный слуга его, Басмановъ, умиралъ подъ ударами остервенѣвшихъ враговъ, Димитрій, пробѣгая мимо комнаты Марины, крикнувъ ей, предупреждая объ опасности, а затѣмъ, отчаяннымъ прыжкомъ изъ окна спасаясь отъ опасности, упалъ съ большой высоты и расшибся. Полумертваго и истекающаго кровью подняли его стрѣльцы, разставленные въ Кремлѣ карауломъ и; послѣ нерѣшительныхъ попытокъ отстоять царя, выдали его боярамъ; осыпанный ругательствами и проклятіями, тщетно онъ старался увѣрить ихъ въ своей правотѣ. Выстрѣлъ Валуева положилъ конецъ его мученіямъ, убійцы ножами добились свою жертву, въ пылу злобы не замѣчая, что терзаютъ уже трупъ.

Только теперь догадались спросить у царицы Мары, ея ли сына убили: «теперь онъ уже не мой» — таково было загадочный отвѣтъ старицы, толпа удовлетворилась, однако, такимъ отвѣтомъ; съ крикомъ и ругательствами потащили тѣло Димитрія на Красную площадь и бросили его тамъ вмѣстѣ съ трупомъ Басманова на поруганіе; черезъ нѣсколько дней похоронили ихъ, но даже и въ могилѣ не было покоя Димитрію; тревожные слухи о проявленіяхъ нечистой силы на могилѣ чернобнижника заставили вырыть трупъ несчастнаго Самозванца и предать его сожженію; прахомъ зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда «польскій свистунъ» появился.

Въ страшный часъ гибели Димитрія подвергались опасности всѣ тѣ, которые связаны были съ нимъ. Марина спаслась лишь случайно, замѣшавшись въ толпу своихъ фрейлинь; разсвирѣпѣвшіе бунтовщики тщетно искали «злую еретицу» и не нашли ея, но самоотверженныя подруги царицы дорого заплатили за нее; многія изъ нихъ подверглись поруганію, всѣ почти были ограблены буквально до нитки.

Пострадали и бывшіе въ Москвѣ иноземцы; чернь нападала на дома, гдѣ жили поляки, производя настоящій погромъ всюду, куда удавалось проникнуть; немало незваныхъ гостей погубило въ этотъ день, чтобы жизнью заплатить за тотъ безчинный разгулъ, которому они такъ легкомысленно отдавались; погибъ и ксендзь Помавскій. Съ трудомъ удалось боярамъ — руководителямъ движенія прекратить неистовства расходившейся толпы.

Лишь черезъ мѣсяца полтора послѣ катастрофы вѣсти о ней дошли въ Польшу, дошли, понятно, раздутыя и искаженные; о московскихъ событіяхъ говорили въ толпѣ, сдѣлались они, разумѣется, и предметомъ официального обсужденія. Особый интересъ привлекаетъ къ себѣ разговоръ, происходившій по поводу смерти Димитрія между Сигизмундомъ и венеціанскимъ посланникомъ Фоскарини; въ бесѣдѣ этой король высказалъ взглядъ на это дѣло поистинѣ странный и изумительный: по его мнѣнію, главная причина бѣды заключалась въ томъ, что Димитрій — самозванецъ. И этого-то самозванца онъ поддерживалъ вопреки желанію своего народа, съ этимъ самозванцемъ онъ сносился какъ равный съ равнымъ!

Долгое время еще смерть Димитрія подвергалась сомнѣнію, особенно долго не вѣрили въ Ватиканѣ. Тамъ

лишь въ концѣ сентября убѣдились въ томъ, что погибъ «царь» Димитрій.

Погибъ Димитрій, но недолго оставалась Москва безъ царя. Уже 19-го мая приверженцы Василя Шуйскаго, всѣ тѣ, кого онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону различными уступками и обѣщаніями, «выкрикнули» его царемъ; царь, созданный одною лишь партією, царь, интригою вознесенный на престолъ, обгаренный кровью его предшественника, Шуйскій недолго удержался на немъ и вскорѣ самъ палъ жертвою интриги.

Въ послѣдней главѣ своего труда о Пирлингъ пытается рѣшить вопросъ о личности того, кто принялъ на себя имя умершаго сына І. Грознаго, — подлинно ли это былъ чудесно спасшійся царевичъ Димитрій или самозванецъ. Замѣтимъ, что личность Лжедимитрія оставалась еще до сихъ поръ роковымъ и неразрѣшимымъ вопросомъ, на которомъ останавливались лучшія критическія научныя силы, останавливались, подвергая мелочному анализу каждую частность, каждое бѣглое упоминаніе и не приходили къ конечнымъ результатамъ. О. Пирлингу, воспользовавшемуся, съ одной стороны, трудами своихъ предшественниковъ, съ другой — стоявшему въ иныхъ, чѣмъ наши русскіе историки, условіяхъ — ему доступны и извѣстны были такіе источники (краковскаго, парижскаго и ватиканскаго архивовъ), какихъ они не знали, — удалось, на нашъ взглядъ, окончательно и безповоротно рѣшить вопросъ о самозванствѣ преемника Годунова.

Всѣ свидѣтельства о тождествѣ Димитрія Углицкаго и Димитрія Самборскаго покоятся, по мнѣнію о. Пирлинга, лишь на одномъ разсказѣ самого царевича, въ которомъ онъ излагалъ сперва кн. Адаму Вишневецкому, а затѣмъ Мнишку, королю и самому папѣ подробности своего спасенія и своей жизни до того момента, какъ обнаружилось, что подъ рясою монаха, а потомъ подъ одеждой слуги скрывается царевичъ, — никакихъ другихъ еще свидѣтельствъ не имѣется; но разсказъ этотъ настолько изобилуетъ самыми невѣроятными подробностями, что становится очевиднымъ, что лицо, опиравшееся на такіе доводы и не бывшее въ состояніи привести что либо посерьезнѣе въ свою пользу, — дѣйствительно самозванецъ, обманщикъ. Помимо внутреннихъ противорѣчій, разсказъ этотъ и потому можетъ считаться извѣстіемъ непристрастнымъ, что въ немъ самъ Димитрій о себѣ говоритъ, — гдѣ тутъ гарантія необходимаго непристрастія? Наконецъ, въ пользу признанія Димитрія самозванцемъ говорятъ и мнѣнія его современниковъ. Лица близко стоявшія къ событіямъ Смутнаго времени и хорошо освѣдомленные, какъ, напр., король Сигизмундъ Ш, канцлеръ Левъ Сапѣга, епископъ Гембицкій и другіе, называютъ въ своихъ письмахъ Димитрія не иначе, какъ самозванцемъ и узурпаторомъ, а въ дневникѣ Мартина Стадницкаго *) попадаетъ такое мѣсто: «до сихъ поръ басни Димитрія объ его происхожденіи и правахъ на престолъ пользуются успѣхомъ». Даже лицо, наиболѣе тѣсно связанное съ нимъ, — Мни-

*) Одинъ изъ приближенныхъ лицъ Марны Мнишекъ.

шекъ, всякій разъ, когда ему приходилось доказывать подлинность своего зятя, не приводилъ никакихъ другихъ аргументовъ, какъ упоминаемый рассказъ самого Димитрія.

Но если Димитрій Самборскій не царевичъ, а самозванецъ, то кто же онъ былъ?

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, склонныхъ видѣть въ Димитріи Самозванцѣ шляхтича изъ Бѣлой Руси и даже незаконнаго сына короля Стефана Баторія *), о. Пирлингъ видитъ въ немъ человека великорусскаго происхожденія и, въ частности, московской культуры. Къ этому мнѣнію примыкаетъ и большинство русскихъ историковъ. Это явствуетъ не изъ гаданій, не изъ произвольныхъ построений, а точно доказано филологической критикой на основаніи изданнаго самимъ же о. Пирлингомъ собственноручнаго письма Димитрія къ папѣ Клименту VIII; на основаніи графологическихъ данныхъ этого письма другаго мнѣнія и быть не можетъ. О. Пирлингъ идетъ далѣе, пытается разгадать социальное положеніе самозванца: его знаніе монашеской жизни въ мелкихъ ея подробностяхъ, его далеко не объективное къ ней отношеніе, знаніе и пониманіе важнаго значенія патриаршества въ Государственномъ строѣ земли Русской—все это позволяетъ изслѣдователю установить точки соприкосновенія между русскимъ тогдашнимъ монашествомъ и личностью самозванца. Основываясь на этой принадлежности Димитрія Самозванца къ русскому монашеству и на его московскомъ происхожденіи, можно съ вѣроятностью сказать, что онъ именно и былъ тотъ Гришка Отрепьевъ, Чудовской монахъ, бывший патриаршій писецъ, на котораго, тотчасъ же по появленіи въ Польшѣ Лжедимитрія, указывали царь Борисъ, его правительство и патриархъ Іовъ. Это становится тѣмъ вѣроятнѣе, что подтверждается посольствомъ въ Польшу въ августъ 1604 г. дьяка Смирного Отрепьева, родственника Гришки,—лица, близко знающаго его, для обличенія его самозванства. Смирной, явившись къ Сапѣгѣ, канцлеру литовскому, прямо заявилъ, что цѣль его—видѣть Димитрія: если онъ самозванецъ—уличить его, а если настоящій сынъ Грознаго—преклониться предъ нимъ. Посольство это, несмотря на неудачу,—Димитрія посоль не видалъ, однако же было очень богато своими послѣдствіями: оно довольно ясно открыло самозванство Димитрія. Послѣ переговоровъ съ Смирнымъ Сапѣга является рѣшительнымъ противникомъ Димитрія и на сеймѣ 1605 года открыто называлъ Димитрія самозванцемъ. Тождество Димитрія съ Гришкой Отрепьевымъ, между прочимъ, подтверждается и фактомъ перемѣны фамиліи Отрепьевыми при царѣ Алексѣѣ, по причинѣ самозванства своего, печальной памяти, родственника.

Ученому о. Пирлингу, какъ видимъ, удалось окончательно и безповоротно рѣшить вопросъ о самозванствѣ преемника Годуновыхъ; отнынѣ, пока не появится новаго, совершенно измѣняющаго дѣла матеріала, говорить о подлинности Димитрія не приходится. Но на

нашъ взглядъ этотъ историческій трудъ о. Пирлинга, при всѣхъ своихъ совершенствахъ, не разрѣшаетъ вопроса о первомъ Самозванцѣ въ окончательномъ видѣ. Трудно вѣрится, чтобы во главѣ цѣлаго движенія могло стоять одно лишь только лицо, съ своею личною инициативой. Несомнѣнно, что здѣсь кроется цѣлая интрига,—движеніе, руководимое партією, хорошо замаскировавшею себя, державшею плановъ московскаго пошиба. Но кто же это за люди, создавшіе это движеніе?

Будемъ надѣяться, что, быть можетъ, тотъ кто подарилъ намъ великолѣпнымъ трудомъ о Димитріи, поведетъ насъ и дальше въ таинственный сумракъ воистину Смутнаго времени.

С. О. Н.

Второе засѣданіе Церковно-Археологическаго Отдѣла при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Въ пятницу, 15 февраля, въ семь часовъ вечера, въ Епархіальной Библиотекѣ, на Петровкѣ, состоялось второе засѣданіе Церковно-Археологическаго Отдѣла, подъ предѣлательствомъ протоіерея Н. Д. Извъкова, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. И. Успенскаго, казначея священника Н. А. Скворцова, дѣйствительныхъ членовъ: архимандрита Исидора, священниковъ—Н. П. Антушева и В. А. Быстрицкаго, діакона Н. П. Виноградова, В. П. Гурьянова, В. К. Клейна, А. Н. Козлова, Ю. Н. Козлова, С. Н. Кологривова, діакона В. А. Копьева, Н. Н. Писарева, Я. М. Сарандинаки, діакона А. Г. Срѣтенскаго, Д. К. Тренева, В. Д. Фартусова, І. С. Чирикова, секретаря Л. И. Денисова и постороннихъ посѣтителей.

По прочтеніи секретаремъ Отдѣла Л. И. Денисовымъ протокола предшествующаго засѣданія дѣйствительный членъ Н. Н. Писаревъ прочиталъ свой рефератъ, озаглавленный: «Обрядъ жизни святѣйшихъ патриарховъ Московскихъ и всея Россіи». Референтъ задался цѣлью описать обрядъ жизни святѣйшихъ патриарховъ московскихъ и все-россійскихъ, какъ онъ проявлялся въ обычные дни. День московскихъ первосвятителей начинался совершеніемъ ими службы или слушаніемъ ея въ какой-либо домовой церкви или въ крестовой палатѣ. Далѣе слѣдовалъ пріемъ посѣтителей. Референтъ раздѣляетъ послѣднихъ на опредѣленныя группы: 1) чиновники патриаршихъ приказовъ съ докладами; 2) ставленники, вызываемые въ крестовую палату «для слушанія»; 3) священно-служители—для совершенія надъ ними обряда разстриженія за какія-либо проступки. Существованіе особеннаго обряда разстриженія, совершавшагося именно въ патриаршей крестовой палатѣ, референтъ утверждаетъ на основаніи записи одной расходной книги патриаршаго казеннаго приказа: куплены «въ крестовую палату для ставленниковъ, которыхъ за *винность*, по указу св. патриарха, доведется остричь—въ игольномъ ряду ножницы большія нѣмецкаго дѣла» (Архивъ министерства юстиціи, книга за 1688 г. № 129, л. 359).

*) На основаніи выдержекъ изъ писемъ современниковъ Самозванца,—такой гипотезы придерживаются, напр., проф. Гиршбергъ (Львовскаго ун.), Буассовъ и др.

Слѣдующую, 4-ю группу посѣтителей крестовой при патріархахъ «великихъ государехъ» составляли царскіе бояре (отношенія къ нимъ п. Нибона); 5) именинники разныхъ классовъ общества, начиная съ царя, приносившіе патріархамъ «именинные пироги»; 6) духовенство изъ приходоу патріархіи, а также изъ монастырей и отъ русскихъ архіереевъ, приходившее къ святителямъ «со святынею»; 7) лица, вступающія въ бракъ; 8) родители новорожденныхъ; 9) получающіе новое служебное назначеніе; 10) переселяющіеся на новоселье— опять таки изъ разныхъ классовъ общества. Самую большую группу ежедневныхъ посѣтителей представляли желающіе просто получить святительское благословеніе. Нѣкоторые изъ этой группы подносили святителямъ довольно оригинальные подарки. Такъ, напримеръ, въ 1656 году Новгородецъ Корѣленинъ Афонка Игнатьевъ «ударилъ челомъ патріарху гнѣздомъ лебедей живыхъ». Дальше слѣдуютъ посѣтители, приходившіе въ лѣтніе мѣсяцы и подносившіе патріархамъ начатки новыхъ плодовъ. Значительную группу посѣтителей крестовой составляли иноземные гости, начиная съ восточныхъ патріарховъ и иностранныхъ правителей и кончая простыми мірянами. Патріархи всѣхъ посѣтителей благословляли иконами, а нѣкоторыхъ дарили иногда цѣнными подарками. Референтъ закончилъ свой интересный докладъ описаніемъ двухъ типовъ пріемнаго этикета, практиковавшихся по отношенію къ лицамъ рядовымъ и высокопоставленнымъ, обѣдовъ у святѣйшихъ патріарховъ и довольно сложныхъ этикетовъ этихъ обѣдовъ, а также послѣобѣденнаго отдыха святителей, ихъ вечернихъ кабинетныхъ занятій и вечернихъ пріемовъ посѣтителей. Описаніе же любопытныхъ бытовыхъ формъ, наблюдавшихся въ жизни святителей въ нѣкоторые дни года (какъ-то: 1-го сентября, 5-го октября, въ недѣлю предъ Рождествомъ, 21-го декабря, въ праздники Рождества, въ срединѣ сырной недѣли, въ прощенное воскресенье, въ первую недѣлю Великаго поста, въ Вербное воскресенье, въ дни Страстной седмицы, въ дни св. Пасхи, 15-го августа и, наконецъ, въ дни поставленія святителей на патріаршій престолъ и въ дни смерти и погребенія) референтъ оставилъ до болѣе удобнаго случая.

Вслѣдъ за нимъ дѣйствительный членъ В. Д. Фартусовъ прочиталъ свой рефератъ: «Объ иконѣ Рождества Господа нашего Иисуса Христа, и объ изображеніяхъ поклоненія пастырей и волхвовъ, Обрѣзанія Господня, Срѣтенія Господня и бѣгства во Египетъ».

Возражая референту, дѣйствительный членъ Д. К. Тренинъ замѣтилъ, что прочтенное референтомъ не согласуется ни съ какими образцами, завѣщанными намъ древне-русской и византійской иконографіей: тамъ нѣтъ ничего того, на что указывалъ референтъ. Такъ Богоматерь при поклоненіи волхвовъ и пастырей изображается сидящею, а не стоящею, на памятникахъ уже VI вѣка, быкъ и волъ присутствуютъ уже на памятникахъ VIII вѣка. Признавая извѣстное значеніе за рефератами В. Д. Фартусова, которые не пройдутъ безслѣдно для исторіи иконописанія въ теперешнее время, оппонентъ не считаетъ возможнымъ, чтобы иконописаніе слѣдовало ука-

заніямъ референта, потому что для цѣлей иконописанія равно непригодны: и апокрифы, изъ которыхъ нѣкоторые аксессуары, претящіе религіозному чувству, вошли на иныя древнія иконы,—и личные разсужденія, стремящіеся читать между строкъ евангелія. Руководствомъ для иконъ на евангельскіе сюжеты должны служить— евангеліе и памятники иконографіи.

Секретарь Отдѣла Л. И. Денисовъ доложилъ собранію благодарственное письмо, которое прислалъ профес. Харьковскаго Университета Г. К. Рѣдинъ въ отвѣтъ на избраніе его въ дѣйствительные члены Церковно-Археологическаго Отдѣла, сопроводивъ его пожертвованіемъ въ бібліотеку Отдѣла десяти оттисковъ своихъ трудовъ по иконографіи и археологіи.

Въ томъ же засѣданіи были предложены и избраны въ дѣйствительные члены Церковно-Археологическаго Отдѣла: И. С. Бѣляевъ, свящ. І. В. Никаноровъ и И. П. Петровъ.

Засѣданіе закончилось въ исходѣ девятаго часа вечера.

Л. Денисовъ.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Чествованіе памяти Н. В. Гоголя. Въ четвергъ, 21 февраля, Москва торжественно чествовала память великаго русскаго писателя по случаю пятидесятой годовщины со дня его кончины.

Въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ Гоголя, было совершено, по инициативѣ городского управленія, заупокойное богослуженіе по усопшемъ писателѣ. Литургію въ Троицкомъ соборѣ обители совершалъ преосвященный Парѣеній, епископъ Можайскій (полтавскій уроженецъ), въ сослуженіи ректора семинаріи, архимандрита Анастасія, настоятеля Данилова монастыря архимандрита Тихона и другого духовенства. Пѣла Губонинская пѣвческая капелла. Въ концѣ литургіи преосвященный Парѣеній произнесъ подобающее торжеству слово. Послѣ литургіи епископъ Парѣеній совершилъ паннихиду по Н. В. Гоголю. Изъ родственниковъ писателя въ храмъ присутствовали: В. Я. Головня, Н. В. Быковъ, Ю. В. Быковъ съ супругой и А. Н. Быкова. Кромѣ депутатовъ, специально прибывшихъ въ Москву на гоголевскія торжества, въ храмъ собрались: городской голова князь В. М. Голицынъ, почетный опекунъ ген.-лейт. А. А. Пушкинъ (сынъ поэта), ректоръ московскаго университета проф. А. А. Тихомировъ, ген.-лейт. Суражевскій, председатель Общества любителей русскаго словесности проф. А. Н. Веселовскій, члены того-же общества, студенты и нѣкоторые другія лица; отъ городскихъ начальныхъ училищъ присутствовало до 100 учащихся съ преподавательскимъ персоналомъ.

При пѣніи «Со святыми упокой» присутствовавшіе преклонили колѣна. По окончаніи заупокойнаго богослуженія епископъ Парѣеній и все сослужившее владыкъ духовенство направилось къ могилѣ Н. В. Гоголя. Скоро могила была окружена тѣснымъ кольцомъ. Гранитная глыба была убрана пальмовыми вѣтвями.

Преосвященный Парѣеній совершилъ у могилы литію,

преклонивъ колѣна при возгласеніи: «Вѣчная память». Затѣмъ на могилу были возложены отъ разныхъ лицъ и учрежденій вѣнки.

Торжество въ страннопріимномъ Шереметевомъ домѣ. Въ субботу, 23 февр., страннопріимный домъ графа Шереметева справлялъ девяносто вторую годовщину своего существованія. Въ Троицкой церкви этого учрежденія заупокойную литургію и паннихиду по почившимъ основателямъ страннопріимнаго дома—графъ Н. П. Шереметевъ, графиня П. И. Шереметевой и попечитель графъ Д. П. Шереметевъ—совершалъ преосвященный Парѣній, епископъ Можайскій, соборнѣ. Въ церкви за богослуженіемъ присутствовали: попечитель страннопріимнаго дома членъ Государственнаго Совѣта графъ С. Д. Шереметевъ, начальникъ Московской губерніи гофмейстеръ А. Г. Булыгинъ, начальникъ жандармскаго управления генералъ-лейтенантъ К. Ѳ. Шраммъ, въ званіи гофмейстера Н. А. Жедринскій, старшій врачъ Шереметевской больницы, другіе служащіе при страннопріимномъ домѣ и приглашенныя на торжество лица. Во время литургіи въ церковь прибыли Ихъ Императорскія Высочества Августѣйшій Московскій Генералъ-Губернаторъ Великій Князь Сергій Александровичъ съ супругой Великой Княгиней Елисаветой Теодоровной въ сопровожденіи лицъ Ихъ свиты. Въ половинѣ перваго часа дня закончилось богослуженіе. Во второмъ часу дня въ залѣ засѣданій совѣта состоялось въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ публичное засѣданіе совѣта страннопріимнаго дома, причемъ былъ прочитанъ отчетъ за истекшій годъ. По окончаніи засѣданія, Ихъ Императорскія Высочества, милостиво простившись съ присутствовавшими, отбыли въ исходѣ второго часа дня въ Генералъ-Губернаторскій домъ.

«Великія» вечерни и чинъ прощанія. Въ воскресенье, 24 февр., въ кафедральномъ во имя Христа Спасителя соборѣ «великую» вечерню совершалъ преосвященный Парѣній, епископъ Можайскій, съ череднымъ архимандритомъ и соборнымъ духовенствомъ. Во время богослуженія въ соборъ прибыли настоятели московскихъ монастырей. При окончаніи богослуженія преосвященный прочелъ положенную молитву и, обратясь къ богомольцамъ, попросилъ прощенія и положилъ земной поклонъ. При исполненіи «Покаянія отверзи» архіерей прикладывался къ иконамъ, прощался съ архимандритами и духовенствомъ и благословлялъ народъ. Въ Большомъ Успенскомъ соборѣ великую вечерню и чинъ прощанія съ братіей и архимандритами ставропигіальныхъ монастырей совершалъ преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій.

Торжество въ Параскевievской церкви. Въ тотъ же день, торговцы Охотнаго ряда, по примѣру прежнихъ лѣтъ, праздновали сорокъ первую годовщину освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Въ церкви св. Параскевы, что въ Охотномъ ряду, были совершены преосвященнымъ Парѣніемъ, епископомъ Можайскимъ, соборнѣ паннихиды по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II, заупокойная литургія, а затѣмъ благодарственное молебствіе съ провозгласеніемъ многолѣтій.

Литературно-вокальный вечеръ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ г. Москвы. Въ среду, 20 февраля, въ залѣ для собесѣдованій при Сергіевской, что въ Рогожской, церкви состоялся съ выдающимся успѣхомъ литературно-вокальный вечеръ, въ которомъ участвовали учащіеся въ четырнадцати московскихъ церковно-приходскихъ школахъ. Вечеръ состоялъ изъ трехъ отдѣленій. Въ первомъ отдѣленіи были исполнены духовныя пѣснопѣнія: «Благослови, душе моя, Господа»—школой при Новодѣвичьемъ монастырѣ, «Старо-Симоновская херувимская»—учащимися въ Спасо-Наливковской школѣ, «Ирмосы 7 гласа» учащимися въ Николо-Пыжевской школѣ, «Помощникъ и Покровитель»—школой при 1 артели пѣвчихъ. Во второмъ и третьемъ отдѣленіяхъ было исполнено тридцать девять нумеровъ свѣтскаго пѣнія, стихотвореній и рассказовъ. Особенно хорошо были исполнены пѣснопѣнія школами: Николо-Пыжевской, Спасо-Наливковской, Мароновской, Георгіевской, на Красной Горѣ, Новодѣвичинской и Боевской. Вечеръ, продолжавшійся болѣе трехъ часовъ, почтили своимъ присутствіемъ: председатель Кирилло-Меѳодіевскаго Братства преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, преосвященный епископъ Наѳанаиль, о.о. архимандриты, масса представителей духовенства и публики. Исполненіе всѣхъ пѣній сопровождалось громкими аплодисментами. Въ заключеніе вечера всѣми участвовавшими былъ исполненъ народный гимнъ. Преосвященный Трифонъ выразилъ свою сердечную благодарность учредителямъ вечера и исполнителямъ и затѣмъ роздалъ послѣднимъ портреты Гоголя и его сочиненія, а также духовно-нравственныя книги, брошюры и гостинцы.

Публичныя Богословскія Чтенія.

Отдѣлъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія по устройству публичныхъ богословскихъ чтеній—въ теченіе Великаго поста сего 1902 года имѣетъ произвести слѣдующій рядъ чтеній въ залѣ Синодальнаго училища церковнаго пѣнія, на Никитской улицѣ.

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ—6 марта 1902 года.

Заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, доктора богословія А. Д. Бѣляева: «Ученіе Евангелій о воплощеніи Сына Божія въ Лицѣ Иисуса Христа, съ опроверженіемъ перетолкованій этого ученія въ сочиненіяхъ графа Л. Н. Толстого».

Ученіе графа Толстого, что Иисусъ Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божиимъ въ общемъ смыслѣ, не признавалъ Себя Богомъ и не есть Богъ, представляетъ повтореніе ученія древнихъ еретиковъ и рационалистовъ новаго времени. Доказательства, что Иисусъ Христосъ есть Богъ.

Наименованіе въ рѣчахъ Иисуса Христа Бога Отца: Мой Богъ, Мой Отецъ, наименованіе Себя Сущимъ на небесахъ, едиnorodнымъ Сыномъ, Своимъ Богу Отцу, Господомъ.

Подтверженіе Иисусомъ Христомъ обвиненія Его со стороны іудеевъ и синедріона, что Онъ называлъ Себя Сыномъ Божиимъ и признавалъ Себя равнымъ Богу.

Евангельскія свидѣтельства объ Иисусѣ Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, Бога Отца, Архангела Гавріила, Іоанна Крестителя, Апостола Петра, разбойника, самихъ евангелистовъ, въ особенности Іоанна Богослова.

Чудеса и пророчества Иисуса Христа, безпримѣрная возвышенность Его ученія и святость Его жизни, какъ доказательства Его Божества.

Причины отрицанія Толстымъ истины, что Иисусъ Христосъ есть Богъ.

ВТОРОЕ ЧТЕНІЕ—11 марта.

Кандидата богословія, священника І. А. Орфанитскаго: «Христіанское ученіе о Богѣ Личномъ и Трїединомъ, сравнительно съ воззрѣніями на Божество, какъ на существо безличное и отвлеченное (противъ гр. Л. Н. Толстого и нѣкоторыхъ современныхъ русскихъ философствующихъ мыслителей)».

Начало чтеній въ 9 часовъ вечера.

ЦѢНЫ мѣстамъ слѣдующія: три ряда кресель—мѣста нумерованныя—60 к., стулья нумерованныя—40 к., мѣста на хорахъ, нумерованныя—20 коп. Абонементы на всѣ семь чтеній: кресла 3 руб., стулья 2 руб., мѣста на хорахъ 1 руб. За хрищеніе платя възвѣшивается по 10 коп.

Аплодисменты не допускаются.

Билеты разовые и абонементныя можно получить у швейцара Синодальнаго училища, въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ А. Дангъ, на Кузнецкомъ мосту, и при входѣ въ залъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Гоголь какъ вѣрный сынъ Церкви.—Ученый іезуитъ Павелъ Пирлинъ и его книга: Россія и св. Престолъ.—Второе засѣданіе Церковно-Археологическаго Отдѣла при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія.—Московская хроника.—Публичныя Богословскія Чтенія.—Объявленія.

Объявленія.

Отъ Совѣта Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

„ВОСКРЕСНЫЯ БЕСѢДЫ“, изд. Обществомъ Любителей Духовнаго Просвѣщенія, за 1902 годъ, съ 9—16 №№ вышли изъ печати и сданы на почту.

ДЛЯ ДУХОВЕНСТВА И МОНАСТЫРЕЙ ПРЕДЛАГАЮ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

ЧЕРНЫХЪ МАТЕРІИ

сукно, драпъ, дердодамъ, трико, матейное сукно, бархатъ, репсъ, грогро, крепъ, камлотъ, кашемиръ, сатанъ, деми и проч. всѣ имѣются товары. Покорнѣйше прошу гг. покупателей обратить особое вниманіе на то, что если купленный товаръ почему-либо не понравится, то въ теченіи 5 дней со дня покупки, а отъ иногороднихъ 2 недѣль принимаю обратно и мѣняю на другой товаръ, или **ВЫДАЮ ДЕНЬГИ.**

БОЛЬШОЙ МАГАЗИНЪ
МАНУФАКТУРНЫХЪ
ТОВАРОВЪ.

И. ГУЛАЕВА,

Тверская, рядомъ съ Глазной больн., въ Москвѣ. 25—5

Редакторъ
Протоіерей І. Мансветовъ.

Москва, Типо-Литографія И. Ефимова,
Якиманка, собственный домъ.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъковъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ:

ПЕРВАЯ СЕДМИЦА ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Поученія преосв. Курскаго *Лаврентія.*

Продается у Ступина, Сытина, Думнова. Ц. 30 в. 2—0

Въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и у автора (средній
Кадашевскій пер., д. № 8-й)

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

„Потребность и задачи религіозно-нравственнаго воспитанія, опредѣляемая природою человѣка.“

Публичное богословское чтеніе священника С. В. Стрехова. Цѣна 25 коп. 2—0

ИКОНОПИСЕЦЪ

и
РЕСТАВРАТОРЪ ДРЕВНИХЪ ИКОНЪ И КАРТИНЪ
Василій Павловичъ
ГУРЬЯНОВЪ,

Дѣйствительный Членъ Церковно-Археологическаго отдѣла, при
Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія,

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ЦЕРКОВНЫЯ РАБОТЫ:
стѣнопись, живопись, иконопись, въ Греческомъ, Новгородскомъ,
Строгановскомъ и Фряжскомъ стиляхъ.

Москва, Рогожская, Большая Андроніевская ул., д. Александрова.

ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО МУЗЕЯ АРХИТЕКТУРНАГО ОТДѢЛА

МАСТЕРА

Ивана Андреевича

СОКОЛОВА

Грузины, Средній Тишинскій переулокъ, домъ Шустова

ВЪ МОСКВѢ.